

НИЖНИЕ
ЭТАЖИ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Уилл Хант

Издательство «Олимп-Бизнес»
Москва, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	СПУСК	11
ГЛАВА 2	ПЕРЕХОД	39
ГЛАВА 3	ПОДЗЕМЛЯНЕ	71
ГЛАВА 4	ОХОТНИКИ ЗА ОХРОЙ	102
ГЛАВА 5	КОПАТЕЛИ	130
ГЛАВА 6	ПОТЕРЯННЫЕ	157
ГЛАВА 7	СПРЯТАННЫЕ БИЗОНЫ	183
ГЛАВА 8	«ТЕМНАЯ ЗОНА»	211
ГЛАВА 9	КУЛЬТ	240
	СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ	271
	ИСТОЧНИКИ ФОТОМАТЕРИАЛОВ	275
	ОБ АВТОРЕ	279

СПУСК

Другой мир существует, и он – часть нашего.

ПОЛЬ ЭЛЮАР

Ищите его признаки везде на своем пути. Выходя из дома, прислушайтесь: в воздухе стоит гул, исходящий от туннелей метро и проводов, поросших мхом акведуков, пневматических трубопроводов, которые переплетаются друг с другом, как нити гигантского ткацкого станка. В конце тихой улочки обратите внимание на пар, поднимающийся из вентиляционной шахты, — возможно, он вырвался из подземного туннеля, где в ветхих хижинах живут маргиналы, или из секретного бункера с толстыми бетонными стенами, предназначенного для представителей элиты на случай конца света. Гуляя по луку, где мирно пасется скот, прикоснитесь к травянистому холму, — быть может, под ним покоятся останки неизвестной воительницы или простирается длинный изогнутый скелет доисторического животного. Проходя по тенистой лесной тропе, приложите ухо к земле, — вы услышите, как по узким, спиралевидным дорожкам древнего города, погребенного под толщей земли, разбегаются

муравьи. Поднимаясь в предгорья, вы почувствуете сырой запах земли, исходящий из узкого проема, что ведет в скрытую от глаз огромную пещеру; ее каменные стены украшал углем первобытный человек. Куда бы вы ни направились, ноги ваши ощущают вибрации, идущие из глубин земли; здесь, заставляя сотрясаться всю планету, перемещаются и сталкиваются друг с другом гигантские каменные массивы.

Будь поверхность Земли прозрачной, мы бы целыми днями лежали на животе и всматривались в удивительный многоярусный пейзаж под нашими ногами. Но мы, обитатели солнечного наружного мира, заняты своей жизнью, а мир подземный для нас всегда был невидим. Английское слово, означающее «ад» (hell), происходит от праиндоевропейского корня **kel-* («скрывать»); древнегреческое «Аид» переводится как «невидимый». Сегодня к нашим услугам новейшие технические средства — георадары, магнитометры, — предназначенные визуализировать подземный мир. Однако даже самые четкие изображения получаются слишком размытыми, и нам, подобно Данте, приходится вглядываться во мрак, который «был так темен, смутен и глубок, / что я над ним склонялся по-пустому / и ничего в нем различить не мог»¹. Подземный мир, невидимый глазу, является самым абстрактным ландшафтом нашей планеты и представляет собой скорее символ, нежели конкретный локус. В английском языке слово «underground» («подземный») используется в таких выражениях, как «теневая экономика», «закрытая вечеринка», «неизвестный артист», — и описывает не место, а скорее *чувство*: нечто запретное, неназываемое, за пределами известного и привычного.

Как «визуальные» существа, — а наши глаза, по словам Дианы Аккерман, «монополисты всех наших чувств», — мы

---

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия / перевод М. Лозинского. М.: Наука, 1968. С. 22. — Примеч. переводчика.

и не задумываемся о существовании мира вне нашего поля зрения. Мы — шовинисты, предпочитающие то, что находится на поверхности. Самые прославленные исследователи направлялись наружу и вверх: мы прыгали на поверхности Луны, исследовали вулканы «красной планеты» на марсоходах, наблюдали за электромагнитными бурями в дальнем космосе. Между тем подземное пространство нашей планеты сегодня доступно как никогда. По оценкам геологов, более половины пещер мира не исследованы и погребены под непроходимым слоем земной коры. Путешествие от нашего местонахождения до центра Земли сопоставимо с поездкой из Нью-Йорка в Париж, однако земное ядро — это своеобразный «черный ящик», существование которого мы принимаем на веру. Самое глубокое вторжение человека в земную кору — Кольская скважина в Арктике, глубина которой составляет 12 262 м. Это меньше половины процента расстояния до центра Земли. Подземный мир — призрачный пейзаж, расстилающийся повсюду под нашими ногами и вечно ускользающий от взгляда.

Впрочем, уже ребенком я знал, что подземный мир *не всегда* невидим — и в некоторых случаях может быть доступен людям. В старом издании «Мифов Древней Греции» д'Олера из библиотеки моих родителей я читал про Одиссея, Геракла, Орфея и других отважных героев, которые спускались в подземелье по скалистым проходам, переправлялись через Стикс на ладье Харона и, избегнув встречи с трехголовым Цербером, вступали в Аид, царство теней. Особенно поразил мое воображение Гермес, посланник богов в крылатом шлеме и сандалиях, ведающий границами и пределами и сопровождающий души усопших в царство мертвых (именно поэтому Гермесу принадлежит почетный титул «*психопомп*», что означает «проводник душ»). В отличие от других богов и смертных, соблюдающих границы миров, он беспрепятственно скользит между светом и тьмой, в небесах и под землей. Гермес (который станет покровителем моих подземных

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

путешествий) был единственным подлинным исследователем мира под нами. Перемещаясь сквозь время и пространство с точностью и изяществом, он *видел* подземный мир и обладал ключом к его потаенной мудрости.

В то лето, когда мне исполнилось шестнадцать, а мир, казалось, мог уместиться в моих ладонях, я вдруг обнаружил, что под моим районом в городе Провиденс, штат Род-Айленд, проходит заброшенный железнодорожный туннель. Я узнал о его существовании от школьного учителя естествознания — невысокого усатого человечка по фамилии Оттер¹, который знал, где находится каждая невидимая для глаз рытвина в Новой Англии. Он рассказал мне, что туннель когда-то использовался для

---

¹ Оттер — от англ. otter «выдра». — *Примеч. переводчика.*

обслуживания небольшой грузовой линии, но с тех пор прошло много лет. В наши дни он превратился в развалины — грязные, затхлые, забытые; теперь там копился всевозможный мусор.

И вот, как я однажды выяснил, вход в туннель был спрятан в зарослях кустарника на задворках стоматологической поликлиники. Его ворота поросли диким виноградом, на бетонном покрытии выше была выбита дата постройки — 1908 год. Городские власти отгородили вход железной калиткой, но кто-то проделал в ней небольшой лаз, и мы с друзьями пробрались в подземелье. Лучи от наших фонариков скрещивались в темноте, грязь липла к ногам, в воздухе пахло болотом. С потолка свисали гроздь сталактитов жемчужного цвета, напоминавшие соски на коровьем вымени; с них на нас капала вода. Дойдя до середины туннеля, мы решили испытать себя и выключили фонари. На нас опустилась темнота, и мои друзья закричали — хотели услышать, насколько далеко раскатится эхо; я же затаил дыхание и стоял без движения — словно, если пошевелюсь, меня унесет с поверхности земли. В тот же вечер я открыл дома старую карту Провиденса и проследил пальцем наш путь — от входа до выхода на другом конце города... и не поверил своим глазам: туннель проходил почти прямо под моим домом.

В то лето меня часто оставляли одного, и я надевал сапоги и отправлялся бродить по туннелю. Я не смог бы объяснить, почему меня тянуло в подземелье, у меня не было какой-то конкретной задачи. Я рассматривал граффити или лениво пинал пустые бутылки. Иногда я выключал фонарь, чтобы выяснить, сколько смогу продержаться в темноте, пока не начну нервничать. В свои шестнадцать лет я задумывался над тем, что такие прогулки в общем мне несвойственны: я был подростком робким, худощавым, с редкими зубами, вдобавок носил большие очки. В то время как ровесники уже знакомились с девушками, я заботился о древесных лягушках, которых держал в террариуме у себя в комнате.

Я читал книги о приключениях других людей, и при этом мне никогда не приходило в голову отправиться навстречу собственным. Но этот туннель меня заинтриговал: по ночам я лежал в кровати — и мне не давало покоя, что он проходит под моей улицей.

В конце того лета, после сильной грозы, я однажды спустился в туннель и внезапно услышал грохот откуда-то из темноты передо мной. Я испугался и поначалу решил вернуться, но всё же решил идти дальше, хотя звук и усиливался. Через какое-то время я обнаружил источник шума: из трещины в потолке — возможно, из-за протечки или прорванной трубы — каскадом лилась вода. Под водопадом я заметил перевернутое пластиковое ведро. Затем — банку из-под краски. И наконец — еще десятки опрокинутых емкостей: нефтяные бочки, пивные банки, контейнеры Tupperware, бензиновые канистры, банки из-под кофе, — всё в огромной куче, собранной при загадочных обстоятельствах неизвестным мне человеком. Вода барабанила по ним, вверх уносились звонкое эхо, а я стоял в темноте, не в силах пошевелиться...

Прошли годы, и я больше не вспоминал свои подземные прогулки. Я уехал из Провиденса и поступил в институт, началась совсем другая жизнь. Но я не навсегда забыл свои подростковые переживания. Подобно тому как бесшумно укореняется и взрывает в толще земли семя, прежде чем дать ростки на поверхности, воспоминания о вылазках под землю годами хранились в сундуке моей памяти. Лишь много позже, после нескольких неожиданных открытий, связанных с подземным миром Нью-Йорка, я мысленно вернулся к своим подростковым блужданиям во мраке и к загадочному «алтарю» из ведер и канистр. Стоило мне разбередить эти воспоминания, как они захватили меня с такой силой, что перевернули мой мир и навсегда изменили представление о себе и месте в жизни.

Со временем я вновь полюбил подземелья — за тишину и эхо. Мне нравилось, что даже короткая вылазка в туннель или пещеру

становилась путешествием в параллельную реальность, подобно тому как в романах для детей и юношества герои через порталы перемещаются в тайные миры. Мне нравилось, что спуск в подземелье всегда был веселым приключением в духе Тома Сойера и вместе с тем позволял встретиться лицом к лицу с вечными и древнейшими страхами человечества. Мне нравилось рассказывать истории о подземельях — о старинных диковинках, обнаруженных под городскими тротуарами, или о ритуалах, проводимых в пещерах, — и видеть восхищение в глазах друзей. Но больше всего меня привлекали такие же мечтатели и чудачки, которых так же притягивал подземный мир: люди, последовавшие на зов и посвятившие себя исследованию мира, творчеству или созерцанию, к которым он располагает. Люди, уступившие своей страсти. Как мне казалось, я понимал — во всяком случае, хотел понять — этот порыв души. Я поверил, что там, в глубине и темноте, я парадоксальным образом найду источник света и знания.

За несколько лет я убедил исследовательский фонд, потом различные журналы, потом книжное издательство спонсировать мои поиски. Я тратил их деньги (снова и снова) на изучение подземелий в разных уголках мира. Больше десяти лет я спускался в каменные катакомбы, заброшенные станции метро, священные пещеры и ядерные бункеры. Поначалу я пытался понять, что именно увлекает меня в подземелье, но с каждым последующим спуском вниз я всё больше вслушивался в отзвуки подземного мира — и мне по частям открывалась цельная картина. Я понял, что мы — все мы, всё человечество — всегда слышим этот еле уловимый гул, исходящий из-под земли, что мы так же связаны с этим незримым миром, как с собственной тенью. С того времени, когда наши предки стали рассказывать истории о местности вокруг них, пещеры и другие пространства, расположенные под нашими ногами, пугали и зачаровывали нас, становясь предметом страхов и вымыслов. Я обнаружил, что подземные миры

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

проходят сквозь нашу историю невидимой нитью: так или иначе влияя на нас, они сформировали наше представление о себе и, отчасти, саму нашу цивилизацию.

ПОДЗЕМНЫЙ МИР ОТКРЫВАЛСЯ МНЕ ПОСТЕПЕННО. Образно говоря, сначала под ногами образовывались небольшие трещинки, потом словно бы сам собой распахнулся люк. Всё началось в мое первое лето в Нью-Йорке, когда я работал в редакции журнала на Манхэттене и жил в Бруклине вместе с тетей, дядей и кузенами — Расселом и Гасом. Подростком я много лет представлял себе, как останусь в Нью-Йорке и часами буду гулять по Манхэттену, наслаждаясь атмосферой ночного города, ловя отсветы из каждого освещенного окна. Но в какой-то момент я осознал, что город невозможно ни понять, ни почувствовать. Я растворялся в толпе, робел перед владельцами местных магазинчиков, чувствуя себя безнадежным провинциалом и не решаясь спросить

дорогу у прохожих, по ошибке проезжал нужную станцию метро и в итоге всегда оказывался в Бруклине.

Однажды поздним вечером, чувствуя себя особенно подавленно, я спустился в метро в Нижнем Манхэттене и ждал поезда. Платформа была глубокая, одна из тех, на которых в летние ночи словно слышишь запах гранитного «фундамента» города. Внезапно передо мной открылось занятное зрелище. Из темноты туннеля вышли двое молодых людей: на каждом — налобные фонарики; лица и руки — черные от копоти, словно бы несколько дней они пробирались по пещере глубоко под землей. Они быстро прошли по путям, взобрались на платформу и, обойдя меня, поднялись по лестнице и исчезли в толпе. В тот день я ехал домой, прижавшись лицом к окну вагона, вскоре запотевшему от моего дыхания: я представлял себе подземные пространства — похожие на ячейки в сотах, не известные никому, скрытые под улицами городов.

Эти молодые люди в налобных фонариках были представителями неформального нью-йоркского сообщества городских исследователей, посвящавших всё свое свободное время посещению закрытых для посещения и потайных мест, расположенных под землей. То было «королевство многих племен»: историки, запечатлевавшие позабытое величие города; энтузиасты, для которых важен был символический момент соприкосновения с этой сферой; художники и артисты, устраивавшие в темных подземельях инсталляции и спектакли для узкого круга посетителей. В те несколько недель страстного постижения Нью-Йорка я допоздна изучал фотографии подземных объектов — десятилетиями заброшенных станций метро, вентиляционных помещений системы водоснабжения, почти разрушенных и пыльных бомбоубежищ: всё это вызывало чувство сопричастности к тайне, как если бы мне удалось прокатиться на неведомом морском чудище, бороздившем глубины океана тысячелетия назад.

Как-то ночью, перебирая архивы одного фотографа, я наткнулся на фото туннеля в Провиденсе, в который спускался подростком, — и невольно вздрогнул. Много лет не вспоминал я об этом месте: рельс, убегающий в темноту, дата «1908 [г.]», выбитая над входом. Личный характер этой случайной «встречи» с местом моего детства даже настораживал: словно кто-то, проникнув в мое сознание, открыл люк, и на поверхность стаей птиц выпорхнули давно забытые воспоминания. Фотографа, как я потом узнал, звали Стив Данкан. Это был видный, талантливый и, наверное, немного сумасшедший человек, позже ставший моим первым проводником в подземный мир.

Мы познакомились во время дневной поездки в Бронкс¹ — Стив планировал спуститься в одну из сточных труб района. Он был на шесть или семь лет старше меня, блондин с голубыми глазами, поджарый, с телосложением альпиниста. Стив стал исследователем подземных коммуникаций, когда учился на первом курсе Колумбийского университета²: он тайком спускался в систему паровых туннелей, расположенных под учебными корпусами. Однажды, воспользовавшись проемом в стене, он попал в помещение, заставленное устаревшей и разваливающейся научной аппаратурой. Здесь хранили оборудование для того, что станет потом Манхэттенским проектом. В центре комнаты стояла округлая зеленая машина — то был ускоритель частиц, странный предмет исключительной исторической ценности, спрятанный, как выяснилось, всего в шаге от нас.

---

¹ Бронкс — район (боро) города Нью-Йорк; единственный из пяти боро, находящийся на континенте. В состав города Нью-Йорк также входят острова близ континента; формально они относятся к тому или иному боро. — *Примеч. редактора.*

² Университет Колумбия в городе Нью-Йорк — один из самых известных вузов США. Основан в XVIII веке, входит в Лигу плюща, его сотрудники присуждают Пулитцеровскую премию. Именно в его стенах сформировались так называемые «битники». — *Примеч. переводчика.*

Подземный мир увлек Стива, и он быстро сменил основную специальность с инженерного дела на историю развития городов. В перерывах между занятиями он начал исследовать железнодорожные туннели, потом, надев бродни, стал спускаться в канализацию и вскоре уже забирался на висячие мосты, с вершины которых снимал фотографии, словно сделанные в полете; ему удалось запечатлеть дух города. За несколько лет Стив стал «подпольным» историком и фотографом Нью-Йорка; он досконально изучил инфраструктуру города. (Департамент охраны окружающей среды, контролирующий состояние городской канализации, время от времени пытался привлечь Стива к сотрудничеству, несмотря на нелегальные методы работы.) Стив представлял собою нечто среднее между «ботаником» и злоумышленником из старых фильмов: худой, боровшийся с дефектом речи (печальным наследием отрочества), он пил как портовый грузчик, а его хулиганскую улыбку отмечали многие интересные женщины. В целом он держался с каким-то героическим самодовольством. В юности у него диагностировали редкую форму рака кости с локализацией в ноге; тогда он едва не лишился жизни, а потому теперь делал всё быстро и энергично. Он мог весь вечер объяснять вам значения аббревиатур на канализационных люках города или рассуждать о силе потока в европейской системе водоотведения в XIX веке, а потом выйти на улицу и ввязаться в пьяную драку.

В тот день мы перемещались зигзагами, между канализационными решетками — от одной до другой, светя себе фонариками и прослеживая путь трубы под землей. Пока мы шли, Стив рассказывал о мозаике подземных систем города с почти религиозным пылом. Нью-Йорк представлялся этому энтузиасту гигантским, изменчивым организмом со множеством «щупалец»; обитатели надземного мира видели только крошечную его часть. Вновь познакомить людей с потайной стороной мира — вот что

мой новый друг считал своей миссией: он хотел бы, чтобы крышка каждого люка в городе была стеклянной — и горожане могли в любую минуту заглянуть в подземелье.

Стив рассуждал: «Большинство людей живут в двух измерениях. Они и не представляют, что находится у них под ногами. Когда ты видишь, что там, под землей, ты понимаешь, как устроен город. Ты осознаёшь свое место в истории, свое место в мире».

Этот человек стал для меня инкарнацией Гермеса, взгляду которого была доступна параллельная топография. В книге стихов Уолта Уитмена «Листья травы» (*Leaves of Grass*, 1855, доп. 1891) есть слова: «Мне думается, в тебе много такого, чего не увидишь глазами...»¹ Стив видел невидимое — и я тоже хотел это увидеть.

МОЙ ПЕРВЫЙ СПУСК БЫЛ СПОКОЙНЫМ — то была прогулка по Вестсайдскому туннелю, который известен краеведам и граффитистам как «туннель Свободы» и проходит под парком Риверсайд в Верхнем Вест-Сайде (Манхэттен). Его протяженность — примерно 2,5 мили.

Однажды летним утром я пробрался в щель, оставленную в сетке-рабице около 125-й улицы, и направился в туннель. Его ворота были огромными, не меньше двадцати футов в высоту и вдвое больше — в ширину. Внутри не было темно, скорее сумеречно: сливные решетки на потолке, расположенные в нескольких сотнях футов друг от друга, подобно окнам собора, пропускали сюда столпы мягкого света. Я отправился на неспешную прогулку через центр Манхэттена и, разумеется, будто во сне, не встретил ни одного человека.

Дойдя до середины пути, я увидел огромное граффити, более сотни футов в длину. Имя его автора совпадало с названием

¹ Строка из стихотворения «Песня большой дороги» (*Song of the Open Road*, 1856): «I believe that much unseen is also here...». Перевод К. Чуковского. — *Примеч. редактора*.

туннеля — Фридом¹. Я стоял у противоположной стены, любясь картиной, которая, казалось, дрожала в тусклом свете. Подул легкий ветерок и донес до меня далекие гудки машин на Вест-сайдском шоссе, смешивающиеся с пением птиц в парке.

И вдруг я увидел яркий прожектор поезда, надвигающийся на меня из глубины. Прильнув к стене, я почувствовал сильный гул под ногами, а дальше всё произошло одновременно: вспышка света, ураганный ветер, рев, от которого — я почувствовал — у меня завибрировала грудная клетка. Ситуация не была опасной — от путей меня отделяло как минимум пятнадцать футов, — но, пока я стоял там, прижавшись спиной к стене, меня била дрожь, а голова горела.

Когда вечером я поднялся на поверхность после первого спуска и перебрался через забор неподалеку от Гудзона, мне

¹ Freedom — англ. «свобода». — *Примеч. переводчика.*